3. Фрейд. Гибель эдипова комплекса.

Все больше и больше открывается значение эдипова комплекса, как центрального феномена сексуального периода, относящегося к раннему детству. Затем он погибает, он подлежит, как мы говорим, вытеснению, и за ним наступает латентный период. Но до сих пор еще неясно, отчего он погибает; анализы как будто учат: от наступающих болезненных разочарований. Маленькая девочка, которая считает себя любимицей, предпочитаемой отцом, должна пережить однажды строгое наказание, наложенное отцом, и чувствует себя сброшенной с небес. Мальчик, рассматривавший мать, как свою собственность, узнает однажды, что она лишает его любви и заботливости, направляя их на нового пришельца. Размышление углубляет ценность этих моментов, подчеркивая, что такие мучительные открытия, противоречащие содержанию комплекса, неизбежны. Даже в тех случаях, где не имеют места особые события, подобные вышеприведенным примерам, отсутствие ожидаемого удовлетворения, постоянный отказ в желанном ребенке должны привести к тому, что маленький влюбленный отворачивается от своей безнадежной склонности. Таким образом, эдипов комплекс погибает из-за своей неудачи, в результате своей внутренней невозможности.

Согласно другому взгляду эдипов комплекс должен погибнуть, так как наступило время для его распада, подобно тому, как выпадают молочные зубы, когда вырастают постоянные. Если эдипов комплекс и переживается индивидуально большинством людей, то он является, тем не менее, предопределенным наследственностью, ею заложенным феноменом, который должен сообразно с законами развития исчезнуть, когда наступает ближайшая, заранее предопределенная фаза развития. Тогда абсолютно безразлично, в силу, каких причин это происходит и можно ли вообще найти эти причины.

Нельзя отрицать того, что каждый из этих взглядов по-своему справедлив; однако, они не исключают друг друга; наряду с более глубоким филогенетическим взглядом остается место и для онтогенетического. Ведь индивиду в целом предназначено уже при рождении умереть, и быть может его органическое предрасположение уже содержит в себе указание, отчего он должен умереть. Однако, не лишено интереса проследить, как осуществляется эта привнесенная закономерность и каким образом предрасположение используется случайными вредными моментами.

Мы недавно разбирались подробно в вопросе о том, что сексуальное развитие ребенка прогрессирует до фазы, в которой гениталии принимают на себя уже руководящую роль. Но эти гениталии являются исключительно мужскими, точное говоря, это - penis; женские гениталии остаются неоткрытыми. Эта фаллическая фаза, являющаяся одновременно фазой эдипова комплекса, не развивается дальше в окончательную генитальную организацию; она угасает и сменяется латентным периодом. Но окончание ее совершается типичным образом и опирается на регулярно повторяющиеся события.

Если ребенок (мужского пола) заинтересовался своими гениталиями, то он проявляет это также и путем многократных манипуляций над ними и узнает затем, что взрослые не согласны с этими его действиями. Более или менее отчетливо, более или менее грубо высказывается угроза, что его лишат этой столь высоко ценимой им части. В большинстве случаев угроза кастрации исходит от женщин, часто они пытаются подкрепить свой авторитет тем, что они ссылаются на отца или на доктора, который осуществит это наказание согласно их заявлению. В целом ряде случаев женщины предпринимают символическое смягчение этой угрозы, заявляя о том, что будут устранены не пассивные собственно гениталии, а активно грешащая рука. Особенно часто случается, что ребенок подвергается угрозе кастрации не потому, что он играет своим penis'ом при помощи руки, а за то, что он каждую ночь мочит свою постель и ведет себя неопрятно, Воспитатели ведут себя так, как если бы ночное недержание мочи являлось следствием и доказательством слишком усердного манипулирования над penis'ом, и в этом они, конечно, правы. Во всяком случае длительное

недержание мочи по ночам равнозначно поллюции взрослого и является выражением того же генитального возбуждения, которое вынуждает в это время ребенка к мастурбации.

Мы утверждаем, что фаллическая генитальная организация ребенка гибнет от этой угрозы кастрации. Конечно, не тотчас и не бесследно, так как ребенок прежде всего не придает веры этой угрозе и но становится послушным. Психоанализ придал новую ценность двоякого рода событиям, которые не отсутствуют ни у одного ребенка и которые должны подготовить его к утрате высоко оцениваемых им частей тела; это - первоначально временное, а впоследствии окончательное отнятие от материнской груди и ежедневно совершаемое выделение содержимого кишечника. Однако нельзя заметить, чтобы эти события были приведены в связь с угрозой кастрации. Лишь после того, как будет сделано новое наблюдение, ребенок начинает считаться с возможностью кастрации, но он делает это медленно, неохотно и не без стремления преуменьшать значение собственного наблюдения.

Этим наблюдением, разрушающим, наконец, неверие ребенка, являются женские гениталии. Гордый обладанием penis'a ребенок получает когда-нибудь возможность увидеть генитальную область маленькой девочки и убеждается в отсутствии penis'a у столь подобного ему существа. Этим самым для него становится возможным представить себе утрату и своего собственного penis'a; угроза кастрации начинает оказывать свое запоздалое действие.

Мы не должны быть столь близоруки, как воспитатели, угрожающие кастрацией, и не должны проглядеть, что сексуальная жизнь ребенка в этом периоде отнюдь не исчерпывается мастурбацией. Можно доказать, что у него существует в отношении к родителям эдиповская установка; мастурбация является лишь генитальным отреагированием относящегося к этому комплексу сексуального возбуждения и этому отношению она обязана своим значением для всех позднейших периодов. Эдипов комплекс дает ребенку две возможности удовлетворения, активную и пассивную. Он может, как мужчина, поставить себя на место отца и относиться, как последний, к матери, причем отец учитывается тогда, как стоящее на его пути препятствие, или же он стремится заменить мать и быть любимым отцом, при чем мать становится излишней. В чем состоит удовлетворяющее любовное отношение, об этом ребенок имеет лишь очень неясные представления; но, разумеется, penis играет при этом определенную роль, так как об этом свидетельствуют его ощущения со стороны органов. Для сомнения в наличии penis'a т женщины не было еще никакого повода. Предположение о возможности кастрации, представление, что женщина кастрирована, кладет конец обеим возможностям удовлетворения, вытекающим из эдипова комплекса. Ведь обе они приносят с собой утрату penis'a: одна, мужская, как результат наказания, другая, женская, как предпосылка. Если удовлетворение, связанное с эдиповым комплексом, должно быть куплено ценою утраты penis'a, то дело должно дойти до конфликта между нарцистическим отношением к этой части тела н либидинозной привязанностью к родительским объектам. В этом конфликте в нормальном случае побеждает первая сила; .Я" ребенка отвращается от эдипова комплекса.

Я показал в другом месте, каким образом это осуществляется. Происходит отказ от объектных привязанностей, заменяющихся идентификацией. Интроецированный в „Я" отцовский или родительский авторитет образует там ядро „сверх-Я", которое заимствует строгость отца, подтверждает исходящий от него запрет инцеста и таким образом обеспечивает „Я" от возврата либидинозной объектной привязанности. Связанные с эдиповым комплексом либидинозные стремления частью десексуализируются и сублимируются, что, вероятно, имеет место при каждом превращении в идентификацию, частью же они становятся заторможенными в смысле достижения цели и превращаются в нежные побуждения. Весь этот процесс, с одной стороны, спас гениталии, предотвратил от них опасность утраты, с другой стороны, он парализовал их, упразднил их функцию. Этим процессом начинается латентный период, прерывающий сексуальное развитие ребенка.

Я не вижу никаких оснований для того, чтобы отказать отчуждению „Я" от эдипова комплекса с названии „вытеснение", хотя более поздние вытеснения осуществляются при участии „сверх-Я", которое лишь теперь образуется. Однако, описанный процесс является чем-то большим, нежели

вытеснение; в случае идеального осуществления он равнозначен разрушению и упразднению комплекса. Мы можем очевидно предположить, что мы наткнулись здесь на границу между нормальным и патологическим, которая никогда не бывает резко выражена. Если „Я" на самой деле не добилось ничего кроме вытеснения комплекса, то последний продолжает бессознательно существовать в „Оно" и впоследствии обнаружит свое патогенное влияние.

Аналитическое наблюдение дает нам возможность узнать или обнаружить такие соотношения между фаллической организацией, эдиповым комплексом, угрозой кастрации, образованном „сверх-Я" и латентным периодом. Эти соотношения оправдывают положение, что эдипов комплекс погибает вследствие угрозы кастрации. Но этим проблема не исчерпывается; остается место для теоретической спекуляции, которая может опровергнуть добытый результат или представить его в новом свете. Но прежде, чем мы вступим на этот путь, мы должны обратиться к вопросу, который возникал во время наших настоящих рассуждений и который мы так долго оставляли в стороне. Описанный процесс распространяется, как было подчеркнуто, только на ребенка мужского пола. Как осуществляется соответствующее развитие у маленькой девочки?

Наш материал оказывается в данном случае - непонятным образом - гораздо более неясным и неполным.

У лиц женского пола тоже существует эдипов комплекс, „сверх-Я" и латентный период. Можно ли приписать также и им фаллическую организацию и кастрационный комплекс? На это следует ответить утвердительно, но у девочки дело не может обстоять так, как оно обстоит у мальчика. Феминистическое требование равноправия полов не будет иметь в данном случае успеха, морфологическая разница должна проявиться в отличиях психического развития. Варьируя выражение Наполеона, можно сказать: анатомия - это судьба. Клитор девочки аналогичен penis'у, но ребенок, сравнивая себя со сверстником мужского пола находит, что „он слишком мал", и ощущает этот факт, как нечто неприятное для себя, как основу для малоценности. В течение некоторого времени девочка утешает еще себя ожиданием, что, когда она подрастет, у нее будет такой же большой придаток, как и у мальчика. Здесь ответвляется присущий женщине комплекс мужественности. Но ребенок женского пола учитывает свой актуальный дефект не как половой характер, а объясняет его тем, что некогда раньше он обладал таким же большим членом и затем потерял его благодаря кастрации. Он не распространяет этого вывода с себя на других, взрослых женщин, а предполагает, совсем в духе фаллической фазы, наличие у них больших и неповрежденных, т.е. мужских гениталий. В результате получается, таким образом, существенное отличие, которое заключается в том, что девочка считает кастрацию совершившимся фактом, в то время как мальчик боится возможности ее осуществления.

С устранением страха кастрации отпадает и весьма веский мотив для образования „сверх-Я" и для прекращения инфантильной генитальной организации. Эти изменения являются - гораздо больше чем у мальчиков - результатом воспитания, внешнего запугивания, угрожающего утратой (родительской) любви. Эдипов комплекс девочки является гораздо более односторонним, нежели эдипов комплекс маленького обладателя penis'a; согласно моему опыту он лишь в редких случаях выходит за пределы желания занять место матери и женской установки в отношении к отцу. Отказ от penis'a происходит не без попытки вознаграждения себя. Девочка переходит - можно было бы сказать: символическим путем - от penis'a к ребенку, ее эдипов комплекс возвышается до сохраняющегося в течение долгого времени желания получить в подарок от отца ребенка, родить ему ребенка. Получается такое впечатление, что девочка расстается очень медленно с эдиповым комплексом, так как это желание никогда не осуществляется. Оба эти желания, относительно обладания penis'ом и получения ребенка продолжают существовать в бессознательном, сохраняя большую активность, и способствуют подготовке женского существа к позднейшей половой роли. Незначительное участие садистического компонента в сексуальном влечении (что следует, конечно, поставить в связь с утратой penis'a) облегчает превращение непосредственных сексуальных стремления в нежные, заторможенные в смысле достижения цели стремления. Но в общем следует

признать, что наши знания относительно процессов этого развития у девочки неудовлетворительны, неполны и призрачны.

Я не сомневаюсь в том, что описанные здесь временные и каузальные соотношения между эдиповым комплексом, сексуальным запугиванием (угроза кастрации), образованием „сверх-Я" и наступлением латентного периода - типичны; но я не собираюсь утверждать, что этот тип является единственно возможным. Изменения в хронологичности и последовательности этих процессов должны иметь величайшее значение для развития индивидуума.

Со времени опубликования О. Ранком интересной работы о „Травме рождения"[1]) результат этого небольшого исследования, гласящий, что эдипов комплекс погибает вследствие страха кастрации, не может быть принят без дальнейшей дискуссии. Но мне кажется преждевременным вдаваться в настоящее время в эту дискуссию, и я считаю даже нецелесообразным начать здесь критику или оценку взглядов Ранка.